

Григорьев С.

На сѣверъ.

(Изъ лѣтнихъ скитаній).

I.

Ужь темнѣло, когда 25 июня 1905 года небольшой пароходикъ перевезъ насъ черезъ Волгу изъ Ярославля къ лежащей на той сторонѣ рѣки станціи Урочъ Архангельской узкоколейной дороги.

Деревянный вокзалъ съ длиннѣйшей платформой, чистенькіе, малочѣмъ отличающіеся отъ обыкновенныхъ, вагончики, оживленная публика на платформѣ — вотъ первое впечатлѣніе отъ этой станціи.

Народу въ поѣздѣ было немного: мы со всѣми нашими многочисленными вещами свободно размѣстились въ вагонѣ и, такъ какъ предстоящую ночь за хлопотами и сборами спали очень мало, немедленно улеглись спать.

Проснулись мы въ Вологдѣ, въ 5 ч. утра. Было свѣжо. Наскорочивъ кофе, мы отправились на пристань свезти вещи и узнать, когда отходить пароходъ въ Архангельскъ.

Города Европейской Россіи при всей массѣ общихъ чертъ всегда имѣютъ нѣсколько характерныхъ особенностей, обращающихъ на себя вниманіе наблюдателя.

Въ Вологдѣ прежде всего бросается въ глаза обиліе дерева: чистенькіе, по большей части двухъэтажные, деревянные дома, нерѣдко обдѣланные деревомъ, многіе съ рѣзьбой; деревянные дощатые тротуары, подъ которыми проложены канавки, замѣняющія водосточныя трубы; деревянные, вымощенные досками вѣзды, а кой-гдѣ сквозь открытыя ворота видно, что и дворы тоже высланы плотно другъ къ другу лежащими досками. И все это такое чистенькое, что пріятно смотрѣть, и только одно, что смущаетъ — а каково-то все это въ пожарномъ отношеніи?

Бросается еще въ глаза масса зелени: многія улицы обсажены деревьями, изъ-за широкихъ заборовъ выглядываютъ и свѣшиваются на улицу тѣнистыя деревья, среди которыхъ, къ нѣкоторому моему удивленію, довольно часто встрѣчается липа; вдоль тротуаровъ, отдѣляя дома отъ улицы, протянулись палисадники, да и самыя тротуары густо обросли сочной, зеленой травой.

Ближе къ центру города зелени становится меньше, появляются изрѣдка каменные дома, и, какъ и вездѣ на сѣверѣ, начиная съ верхняго Заволжья, — множество церквей. Промелькнулъ какой-то скверъ, и мы подъѣхали къ вологодскому кремлю. Изъ всѣхъ видѣнныхъ мною кремлей вологодскій, въ противоположность московскому, самый мрачный и некрасивый: толстыя, безъ всякихъ украшеній, безъ зубцовъ и башенокъ стѣны, такой толщины, что, кажется, ихъ ни изъ какой пушки не прошибешь, покрытыя бѣлой, кой-гдѣ облупившейся, краской.

Но вотъ мы и на пристани. Такъ какъ Вологда — рѣка узкая, то пристань здѣсь прямо на берегу: высокій берегъ обдѣланъ деревомъ,

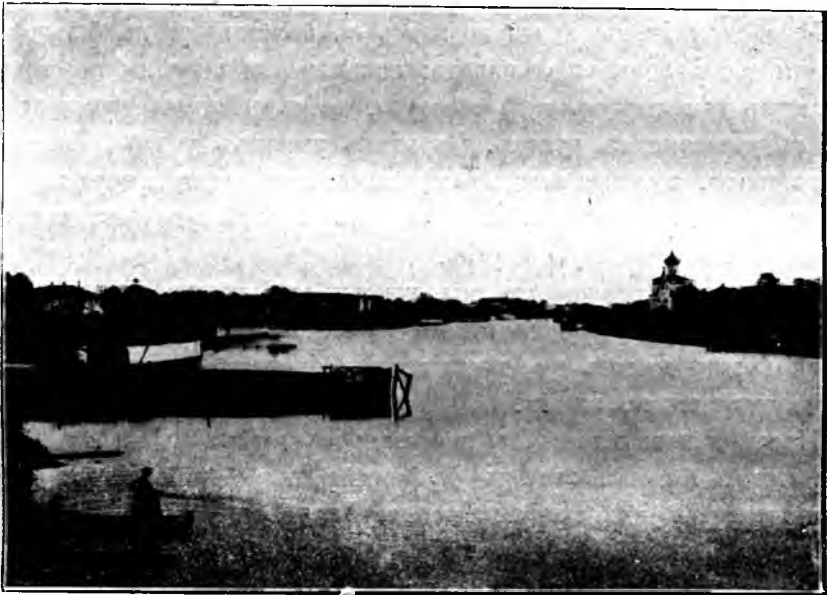

Рис. 1. Рѣка Вологда въ городѣ.

изъ толстыхъ досокъ устроены помосты, на которыхъ стоитъ парходная контора и сложены въ кучу товары, подлежащіе отправкѣ. Здѣсь свалили и мы свой многочисленный багажъ.

По случаю ранняго времени на пристани народа, въ особенности пассажировъ, было мало; только какой-то старый полковникъ сидѣлъ на скамейкѣ у конторы. Оказалось, что парходъ въ Архангельскъ отправляется только вечеромъ, такъ что у насъ въ распоряженіи еще цѣлый день. Мы стали толковать, какъ бы использовать этотъ день, и очень соблазнились мыслью съѣздить посмотреть Кубенское озеро; надо намъ было и купить кой-чего, но по случаю воскресенья все было запрещено. Особенно огорчился мой товарищъ Ш., который не успѣлъ сдѣлать въ Москвѣ запасъ папирозъ и мучился отсутствіемъ курева. Старый

полковникъ, сидѣвшій на лавочкѣ, вмѣшался въ разговоръ и сказалъ, что папирозъ можно купить у корейцевъ, которые навѣрное скоро придутъ на пристань.

— „У какихъ корейцевъ?“ — „Да корейцы тутъ живутъ, высланные изъ Владивостока.“ — „Плѣнные?“ — „Нѣтъ, а только когда началась война, такъ изъ нѣкоторыхъ городовъ всѣхъ корейцевъ и китайцевъ на всякій случай выслали сюда въ Россію, въ сѣверныя губерніи, для безопасности, — чтобы не могли служить шпионами для японцевъ; такъ вотъ они и существуютъ тѣмъ, что покупаютъ табакъ, дѣлаютъ папирозы и торгуютъ ими, безъ патента, конечно. И на домъ имъ даютъ заказы; недурныя папирозы дѣлаютъ, и недорого“.

Мало-по-малу, пока мы возились съ билетами и съ багажомъ, на пристани сталъ появляться народъ; появились и корейцы въ своихъ характерныхъ шляпахъ въ видѣ абажура, но въ цвѣтныхъ русскихъ рубашкахъ, съ узелками въ рукахъ. Въ этихъ узелкахъ у нихъ были набитыя папирозы, которыя они, не стѣсняясь, предлагали присутствующимъ. Ш. попробовалъ папирозы, нашелъ ихъ вполне удовлетворительными и заказалъ себѣ большую партію.

Отъ стараго полковника мы узнали, что можно сѣздить на Кубенское озеро и обратно до отхода парохода, и что лошадей для этой поѣздки можно достать въ гостиницѣ „Золотой Якорь“, большомъ; бѣломъ двухъэтажномъ зданіи.

Послѣ дипломатическихъ переговоровъ мы условились: за 7 рублей насъ должны были свезти на Кубенское озеро и обратно, съ тѣмъ, чтобы вернуться къ отходу парохода. Для 56 верстъ (до села Кубенскаго близъ озера 28 в.) съ ожиданіемъ это было недорого. Лошадей намъ обѣщали подать черезъ 2 часа, и мы воспользовались этимъ, чтобы осмотрѣть городъ и попытаться купить книгъ и открытокъ. По случаю воскреснаго дня и довольно ранняго времени народу на улицѣ было немного, и магазины были закрыты. Тѣмъ не менѣе, зная, что въ книжномъ магазинѣ Тарутиной есть книги по сѣверу Россіи, мы направились туда на всякій случай: не отопрутъ ли намъ, какъ пріѣзжимъ туристамъ. Съ этой цѣлью мы отыскивали квартиру хозяйки магазина, объяснили наше положеніе, и, вѣроятно, говорили очень убѣдительно, такъ какъ въ магазинъ насъ впустили (не открывая его, впрочемъ, для всеобщаго пользованія); среди большого количества беллетристическихъ (главнымъ образомъ В. Немировича-Данченко) и полубеллетристическихъ очерковъ по сѣверу въ магазинѣ оказалось и нѣсколько научныхъ книгъ, которыхъ нѣтъ въ продажѣ въ Москвѣ, и которыя мы немедленно приобрѣли. Побродивши еще по городу, мы направились въ „Золотой Якорь“. То, что мы видѣли теперь, вполне соответствовало первому впечатлѣнію

полученному отъ города: нѣсколько крупныхъ каменныхъ зданій, въ родѣ, напр., реального училища, не нарушали общаго деревяннаго характера города—такъ немного ихъ было, и такъ далеко они разбросаны другъ отъ друга.

Когда мы вернулись, въ нашемъ распоряженіи былъ хорошій тарантасъ, запряженный тройкой сытыхъ лошадей, и мы быстро покатали по улицамъ Вологды. Проѣзжая черезъ предмѣстье, мы увидѣли открытый трактиръ и остановились купить съѣстнаго; Ш. отправился за покупками и черезъ нѣсколько минутъ возвратился, неся куски дымящагося пирога съ треской—характернаго сѣвернаго кушанья, совершенно неизвѣстнаго въ средней Россіи.

Какъ только мы выѣхали за городъ, передъ нами развернулась картина, вначалѣ весьма ординарная, но въ которой при внимательномъ разсмотрѣніи оказывалось все больше и больше характерныхъ черточекъ и штриховъ.

По своей природѣ пейзажъ напоминаетъ центральную Россію, какую-нибудь Тульскую или Владимирскую губернію. Мѣстность совершенно плоская, ровная или слабо волнистая. Лѣса мало или вовсе нѣтъ, такъ что горизонтъ всюду открытый и широкій. По бокамъ дороги та же травянистая растительность; только нѣсколько чаще встрѣчаются голубые колокольчики (*Campanula rotundifolia*) и крупныя синія вероники (*Veronica longifolia*). Вдоль дороги тянутся полосы сѣющей ржи. Масса деревень и селъ. Часто попадаются вѣтряныя мельницы, которыя совершенно отсутствуютъ въ сѣверной, лѣсной части средней Россіи. Очевидно, страна заселена давно и густо. вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, бросается въ глаза и другое: шоссе, по которому мы ѣдемъ, вымощено деревянными плахами, на манеръ гати, только онѣ убиты гораздо плотнѣе и засыпаны землей; вдоль дороги тянутся характерныя для всего сѣвера (Финляндіи, Эстляндіи) косые заборы, состоящіе изъ жердей, которыя не воткнуты вертикально въ землю, а стоятъ наклонно, привязанныя къ горизонтальнымъ слегамъ; на темныхъ вспаханныхъ поляхъ вмѣстѣ съ грачами копошатся крупныя, сѣрыя съ бѣлымъ, чайки—признакъ близости большой воды. На углахъ и поворотахъ встрѣчаются чашовенки. У попадающихся намъ навстрѣчу людей говоръ протяжный, пѣвучій, на о. Кромѣ обыкновенныхъ вѣтряныхъ мельницъ все чаще и чаще появляются маленькія мельницы въ родѣ скворешни, съ маленькой пристроечкой, укрѣпленныя высоко на трехъ прочныхъ, сходящихся на серединѣ длины, наподобіе треножника, а затѣмъ опять расходящихся столбахъ. Но, что особенно бросается въ глаза, это—полное отсутствіе помѣщичьихъ хозяйствъ: отъ Вологды до Кубенскаго озера 28 верстъ, и ни одной помѣщичьей усадьбы! Зато у крестьянъ здѣсь дома крупныя,

двухэтажные, крытые тесомъ, нерѣдко старые, но еще очень прочные; не видать ни покосившихся, ни развалившихся, ни вросшихъ въ землю избенокъ. Видно, что страна искони мужичья, и что, несмотря на малолѣсье, дерево здѣсь еще дешево.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Вологды лежитъ старинный Прилуцкій монастырь, обнесенный живописной зубчатой стѣной съ башенками по угламъ. Какъ и всѣ почти древніе монастыри, онъ въ свое время былъ довольно крѣпкой твердыней, куда можно было скрываться отъ завоевателей: такъ, напр. во время нашествія татаръ сюда изъ Москвы были свезены всѣ сокровища великокняжеской казны. Другой такой же монастырь, Заеникѣвскій, лежащій въ сторонѣ отъ дороги, мы видѣли издалека.

Въ настоящее время Прилуцкій монастырь интересенъ тѣмъ, что въ немъ находится могила поэта Батюшкова.

Мы вошли въ ограду и почти сразу очутились на кладбищѣ. Что поразило меня, какъ натуралиста, прежде всего, это — обиліе широколиственныхъ деревьевъ, — липы и клена, которыхъ я не ожидалъ встрѣтить такъ далеко къ сѣверу. Сама могила не представляетъ ничего особеннаго: обыкновенный надгробный памятникъ съ надписью.

Но вотъ за поворотомъ дороги показалось Кубенское озеро. Оно лежитъ, подобно многимъ другимъ озерамъ сѣверной половины Россіи (Ильменю, Ростовскому), въ обширной котловинѣ съ отлогими краями и такъ велико, что виденъ только его восточный конецъ, а западная половина уходитъ вдаль за предѣлы зрѣнія. По краямъ котловины разбросаны крупныя села. Къ одному изъ нихъ, Кубенскому, и лежалъ нашъ путь.

Оставивши на заѣзжей квартирѣ лошадей, мы пѣшкомъ направились къ озеру, которое синѣло верстахъ въ полтора отъ села.

Въ противоположность суглинистой и подзолистой почвѣ окрестностей, почва котловины была темная, перегнойная, и чѣмъ дальше, тѣмъ становилась все чернѣе и чернѣе. Дно котловины представляло сыроватый лугъ, на которомъ, ближе къ озеру, паслись жеребята. Чѣмъ ближе къ озеру, тѣмъ лугъ становился все сырѣе и сырѣе и наконецъ превратился въ непроходимую топь, которая подступала къ самому берегу озера. Итти дальше становилось совершенно невозможно, и мы было остановились въ недоумѣніи, какъ быть: впередъ итти нельзя, обойти топь тоже нельзя, такъ какъ она, повидимому, окружаетъ озеро на очень большомъ протяженіи и только кой-гдѣ прорѣзана протоками. На наше счастье въ ближайшемъ, довольно широкомъ протокѣ мы завидѣли лодку съ нѣсколькими мальчиками; мы быстро столковались и вскорѣ уже плыли по протоку, который напоминалъ устье какой-нибудь рѣчки, съ той только

разницей, что движенія воды въ немъ не было замѣтно. Мы гребли всѣмъ, чѣмъ было можно, главнымъ образомъ палками, такъ какъ весель было всего одна пара, и та сломанная, и наконецъ выбрались въ озеро. Пускаться на такомъ суднѣ въ глубь озера не приходилось, и мы проплыли всего нѣсколь-ко сажень, чтобы найти твердое и болѣе или менѣе сухое мѣсто для высадки. Предъ нами разстилалась широкая водная гладь темныхъ, сѣроватыхъ тоновъ. Противоположный берегъ слабо маячилъ вдаль, а налѣво водная гладь сливалась съ горизонтомъ. Далеко, какъ казалось, на той сторонѣ, виднѣлась бѣлая церковка и какія-то другія зданія. Мальчики объяснили намъ, однако, что это на островѣ, который лежитъ ближе къ противоположному берегу озера.

Вскорѣ мы нашли подходящее мѣсто для высадки; берегъ былъ довольно твердый, и изъ-подъ толстаго слоя черной перегнойной почвы выглядывалъ подстилающій ее песокъ, который затѣмъ, постепенно понижаясь, переходилъ въ дно озера. Съ нашего мѣста, какъ на ладони, была видна вся ближайшая часть котловины съ разбросанными по ея краямъ селами. Несомнѣнно, что раньше вся эта котловина была занята озеромъ.

Сдѣлавши нѣсколько снимковъ, мы возвратились въ Кубенское и оттуда прямо на пристань въ Вологду.

Къ отходу парохода на пристани собралось много народу; появились корейцы; появился и книжный торговецъ, разложившій въ витринѣ среди другихъ книгъ „Экономическое ученіе Карла Маркса“, „Пролетаріатъ и общественный строй“ Каутскаго, „Положеніе женщины въ настоящемъ и будущемъ“ Бебеля и другія изданія „Молота“ и „Буревѣстника“, въ красныхъ и бѣлыхъ обложкахъ.

Было уже довольно поздно, когда нашъ пароходикъ „Преподобный Зосима“ отвалилъ отъ пристани. Пароходъ провожала масса народа, хотя отъѣзжавшихъ было немного: мы совершенно свободно получили какоту второго класса на трехъ человѣкъ.

Раздался послѣдній свистокъ, сняли сходни, и пароходъ тронулся по узенькой Вологдѣ, стараясь слѣдовать за прихотливыми изгибами рѣки. Берега Вологды довольно пустынные, и всѣ обросли ивнякомъ, за которымъ разстилаются луга. Рѣка очень узка, и волна, подымаемая пароходомъ, плещетъ въ невысокіе, но довольно крутые берега, всѣ изрытые норами береговыхъ ласточекъ. Изрѣдка попадаютъ чайки; міриады комаровъ летятъ съ берега къ намъ на пароходъ, дѣлая несноснымъ пребываніе на палубѣ.

Мѣстами вся рѣка загромождена плотами, и пароходъ съ трудомъ пробирается между ними. Плотовъ здѣсь даже, пожалуй, больше, чѣмъ на верхней Волгѣ. Часто навстрѣчу попадаютъ буксиры, тащащіе за собой баржи, но берега попрежнему остаются пустынными.

Уже было довольно темно и надъ рѣкой стоялъ туманъ, когда мы проѣхали устье Вологды и вошли въ Сухону.

II.

Когда я проснулся на слѣдующій день, мы стояли возлѣ села Устья-Толшенскаго. Окружающій пейзажъ ничѣмъ пока не разнился отъ нашего, среднерусскаго. Мы бросились въ глаза большіе, двухъэтажные деревянные дома и церковь высока на горѣ.

Нашъ пароходъ тронулся: направо и налево тянулись довольно высокіе берега, оба сложенные изъ валуннаго суглинка: правый крутой, подрытый, а возлѣ села обдѣланный въ видѣ деревянной набережной, лѣвый болѣе отлогій съ полосой бечевника у воды.

Вскорѣ, однако, берега стали совершенно одинаковы, и мы въѣхали въ лѣсъ, который охватилъ насъ съ обѣихъ сторонъ: направо и налево ель, сосна, береза, осина, ближе къ берегу кусты ивняка. Лѣсъ большой, но не старый; кой-гдѣ суглинокъ смѣняется пескомъ. На опушкѣ мужикъ и баба, оба въ красномъ, косятъ.

На пароходѣ народу мало. Обращаютъ на себя вниманіе какіе-то купцы, съ типичными фізіономіями, много ядущіе и пьющіе, и ведущіе все время какіе-то дѣловые разговоры, въ которыхъ постоянно поминается лѣсъ, — очевидно лѣсопромышленники.

Не доѣзжая Тотмы, перваго города на нашемъ пути, лежатъ острова. Первый островокъ, который попался намъ навстрѣчу, былъ плоскій, покрытый травой. По берегу его бѣгали кулички. Появились чайки, которыя, вѣроятно, гнѣздятся гдѣ-нибудь поблизости. На правомъ берегу виднѣлся свѣже-спиленный лѣсъ, а на лѣвомъ большая деревня. Навстрѣчу намъ шелъ буксирный пароходъ, который тащилъ за собой нѣсколько баржъ, груженныхъ дровами.

Дальше, опять на лѣвомъ, болѣе высококомъ берегу показалось село, съ бѣлой, трехглавой церковью. Еще дальше мрачный еловый лѣсъ спустился къ самой водѣ. Мѣстность стала дикой и очень живописной; стали попадаться поваленныя деревья. Показался еще островъ, отчасти покрытый лѣсомъ. У берега видны рыболовные заколы и просушивающіяся на кольяхъ сѣти. Мѣстность, что дальше, то становится живописнѣе: по берегамъ сплошныя лѣсныя дебри; огромныя деревья, подрытыя водой, сползаютъ по крутымъ берегамъ; лѣсъ, могучій, старый, тѣснится къ обрыву, а гдѣ можно, спускается къ самой водѣ. А навстрѣчу выплываютъ красивые лѣсистые острова: вотъ Дѣдовъ островъ съ бѣленькой церковкой, за нимъ Бабій островъ, — такіе яркіе, зеленые, заросшіе лѣсомъ или сочной, свѣжей травой.

За островами на лѣвомъ берегу изъ-за деревьевъ появляется какой-то монастырь, а направо почти до самой Тотьмы тянется глухая тайга.

Но вотъ и Тотьма. Небольшой городокъ живописно расположенъ на лѣвомъ высокомъ берегу Сухоны; деревянные домики его мѣстами лѣплятся надъ самымъ обрывомъ. Только большое каменное зданіе ремесленной школы, — гордости Тотьмы, стоитъ какъ-то на отлетѣ, на окраинѣ города. На берегу возлѣ пристани расположились бабы съ молокомъ, хлѣбомъ, пирогами съ какой-то рыбой: „это съ треской, а это съ язями“, — объяснила мнѣ торговка. Пользуясь тѣмъ, что пароходъ стоитъ въ

Рис. 2. Хвойный лѣсъ на берегу Сухоны.

Тотьмѣ больше часа, мы отправились смотрѣть городъ. Тотьма оказалась внутри хорошенькимъ провинціальнымъ городкомъ, съ деревянными, по большей части одноэтажными, домами, съ деревянными, изъ толстыхъ досокъ, тротуарами, съ массой зелени, съ садами и палисадниками; даже канавы вдоль тротуаровъ и тѣ густо обросли высокой травой съ цвѣтушей вероникой (*Veronica longifolia*). И здѣсь очень распространеннымъ деревомъ оказалась липа, а палисадники заросли кустами красной смородины. Всѣ болѣе или менѣе значительныя зданія находятся около площади. Здѣсь же находится и гостиница и магазинъ Киренкова, — единственный крупный магазинъ, мѣстный „Мюръ и Мерилизъ“, гдѣ можно достать все, начиная отъ съѣстныхъ припасовъ и матерій и кончая художественными принадлежностями.

Въ Тотьмѣ съ нами едва не произошло непріятное приключеніе. Въ городѣ я разстался съ моими товарищами, и когда пришелъ нашъ пароходъ, ни того ни другого еще не было. Прошло положенное время, пароходъ уже далъ третій свистокъ, начали убирать сходни, когда они показались на горѣ. Видя, что пароходъ уходитъ, они метнулись было къ обрыву, но увидѣли, что черезчуръ круто и побѣжали въ обходъ, къ деревянной лѣстницѣ, ведущей внизъ, а я бросился къ капитану съ просьбой задержать на минуту пароходъ. Это удалось, и по послѣдней неубранной сходнѣ мои спутники вскочили на палубу.

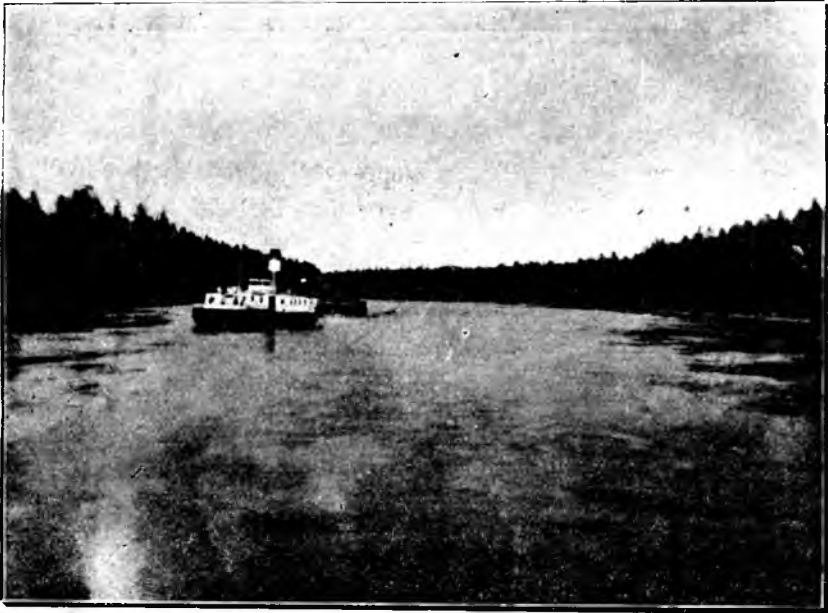

Рис. 3. На Сухонѣ.

За Тотьмой, до слѣдующей остановки, Брусяницъ, берега не особенно высоки, обрывисты, съ полосой бечевника у воды. Оба они покрыты красивымъ лѣсомъ различнаго возраста; встрѣчаются и цѣлые участки стараго, нетронутаго сосноваго бора; много деревьевъ поваленныхъ бурей; есть и мертвыя, стоячія деревья, всѣ обвѣшанныя сѣдыми бородами лишайниками. Нерѣдко попадаются вырубки, всѣ заросшія красными цвѣтами иванъ-чая, съ одинокими, длинными и непропорціо-нально тонкими, какъ хлысты, соснами, оставленными на обѣменіе.

Въ песчаныхъ и глинистыхъ обрывахъ торчатъ крупныя и мелкія, хорошо окатанныя валуны; они же валяются на бечевникѣ и въ водѣ у берега. Внизу, возлѣ бечевника изъ-подъ ледниковыхъ отложеній—суглинка и песка — выглядываютъ пестрые мергеля пермской системы

красно-бурые, блѣдно-красные, сѣроватые, желтоватые пласты чередуются другъ съ другомъ на разстояніи двухъ-трехъ саженей. Самый низъ занимаютъ бѣлые пласты, повидимому, состоящіе изъ известняка или доломита; послѣдній въ видѣ обломковъ густо устилаетъ бечевникъ.

По берегамъ разбросаны деревни и села характернаго сѣвернаго типа, съ большими двухъэтажными деревянными домами. Часто попадаются плоты; гораздо рѣже можно видѣть у берега забойки для рыбной ловли.

Брусяницы (на пароходномъ билетѣ — Брусенецъ) — большое село на высокомъ берегу рѣки. На пристани продаютъ чернику. Послѣ кратковременной стоянки трогаемся дальше.

За Брусяницами берега стали неровны, холмисты, но такъ же лѣсисты, какъ и раньше. Кой-гдѣ берегъ спускается къ рѣкѣ двумя террасами. Всюду берега состоятъ изъ мергелей пестрыхъ, съ преобладаніемъ бѣлаго. Мѣстами мергеля смыты почти до уровня воды, и ихъ мѣсто занимаютъ пески. Деревень мало; берега довольно пустынные, и только чайки, носящіяся надъ водой, нѣсколько оживляютъ мѣстность.

Остановка у Березовскаго — Березовой слободы, раскинувшася на лѣвомъ берегу Сухоны, съ оригинальной деревянной колокольней, очень непродолжительна: мы останавливаемся среди рѣки, принимаемъ подѣхавшаго на лодкѣ пассажира, и трогаемся въ путь. Дальше слѣдуютъ Нюксенцы — большое село съ огромными складами дровъ и съ зданіемъ волостного правленія на берегу рѣки. Еще дальше, направо возлѣ устья небольшой рѣчонки, на береговой террасѣ раскинулось Устье Городищенское.

На противоположномъ берегу мы замѣтили сидящаго на складномъ стулѣ подъ зонтикомъ художника, который работалъ.

За Устьемъ Городищенскимъ на Сухонѣ начинаются пороги, или, какъ ихъ здѣсь называютъ, переборы. Они отличаются по внѣшнему виду только тѣмъ, что вода здѣсь бурлитъ и пѣнится, и тянутся не во всю ширину рѣки, а то ближе къ одному берегу, то къ другому. Только что мы прошли одинъ переборъ, — направо показался другой.

Берега то тотъ, то другой высокие, полосатые отъ пестрыхъ мергелей; часто, однако, высоты отступаютъ отъ берега, и тогда видны отлогіе холмы и засѣянные поля. Мѣстами пласты пестрыхъ мергелей не лежатъ горизонтально, а слабо изогнуты въ пологія складки.

Рѣка то сужается, то сразу расширяется, какъ озеро; она страшно извилиста, настолько, что часто видишь себя въ настоящемъ озерѣ, замкнутомъ со всѣхъ сторонъ высокими, какъ стѣны, берегами. Вблизи, около берега, и поодаль виднѣются села съ оригинальными, характерными для сѣвера, деревянными колокольнями, съ хмельниками. Бѣлая

и сѣрыя чайки носятся надъ водой, и, подобно нашимъ грачамъ, копаются въ землѣ на пашняхъ. Большіе, красивые кулики-сороки и маленькіе кулички возятся на отмеляхъ.

10 часовъ вечера, но еще совершенно свѣтло, хотя солнце зашло. Въ красномъ отсвѣтѣ зари, который падаетъ на рѣку, плыветъ какая-то крупная птица, темная, съ длинной шеей. Должно быть нырокъ. И дѣйствительно, какъ бы въ подтвержденіе моего предположенія, птица исчезаетъ въ водѣ и по прошествіи двухъ-трехъ минутъ выныриваетъ далеко впереди парохода. Между тѣмъ стало холодно; отъ рѣки повалилъ паръ. Пора спать, а то не прозѣвать бы Опоки, самое интересное мѣсто на Сухонѣ: мы будемъ проѣзжать его въ 3 часа.

Спали не раздѣваясь. Въ началѣ перваго часа ночи я уже былъ на ногахъ и вышелъ на палубу. Былъ какой-то странный полумракъ: на пароходѣ горѣли еще огни, а кругомъ было довольно свѣтло, хотя значительно темнѣе, чѣмъ въ петербургскія бѣлыя ночи, но все же настолько, что глазъ ясно различалъ окружающіе предметы. На небѣ ярко горѣла Венера.

Мы стояли. Пароходъ остановился безъ всякой пристапи, прямо у крутого берега, чтобы заpastись дровами, склады которыхъ маячили высоко на горѣ. Оттуда дрова сбрасывались внизъ, и затѣмъ ихъ таскали на судно. Съ парохода на берегъ вмѣсто сходней были положены доски.

Мои товарищи еще спали. Кромѣ меня на палубѣ стоялъ еще мужчина неопредѣленнаго возраста, но еще совсѣмъ не старый, полунинтеллигентнаго вида, довольно симпатичный, и, судя по говору, уроженецъ сѣверныхъ губерній. Мы обмѣнялись нѣсколькими фразами; оказалось, что пароходъ будетъ стоять еще часа полтора по крайней мѣрѣ. Мой новый знакомый предложилъ сойти на твердую землю; по забучимъ, но крѣпкимъ доскамъ сошли мы на берегъ: передъ нами высился крутой обрывъ, состоящій изъ пестрыхъ мергелей, мѣстами выходящихъ наружу, а мѣстами прикрытыхъ осыпями. Мы, разговаривая, прошли немного вдоль берега.— „Полѣзьте вверхъ“,— предложилъ мой собесѣдникъ. Я охотно согласился, хотя снизу стѣна казалась совсѣмъ вертикальной. Мы полѣзли, цѣпляясь за кустики березы, за сосенки и стебли многолѣтнихъ травъ; подъемъ былъ въ высшей степени трудный: тамъ, гдѣ были осыпи, нога утопала въ рыхломъ обломочномъ матеріалѣ; зато тамъ росли кустики и крѣпкія многолѣтнія травы, за которыя можно было уцѣпиться. Но тамъ, гдѣ выходила наружу стѣна твердыхъ, какъ камень, мергелей, которые размываются водой очень круто

и совершенно лишены растительности, тамъ иоложеніе становилось рискованнымъ, и мы нѣсколько разъ подумывали, не вернуться ли намъ назадъ. Но спускаться по мергелямъ было еще болѣе рискованно, и намъ оставалось только карабкаться дальше, перебираясь отъ одной осыпи къ другой. Еще нѣсколько усилий,—и мы наверху. Мы очутились на какой-то старой лѣсосѣкѣ, покрытой густой травой и кустарникомъ: растительность была все наша — особенно брасались въ глаза пупавки (*Anthemis tinctoria*), лиловые васильки (*Centaurea Scabiosa*) и бѣлый подмаренникъ (*Galium boreale*). Въ отдаленіи виднѣлись холмы, подернутые утреннимъ полумракомъ. Рядомъ высились огромные склады дровъ, а внизу, совсѣмъ подъ ногами,—затуманенная рѣка и нашъ пароходикъ, сверху такой маленькій. Выбравши мѣсто, гдѣ мергеля совершенно прикрыты осыпями и заросли кустарникомъ, мы быстро сбѣжали — „скатились“ — внизъ, на пароходъ.

Наконецъ мы тронулись; стало значительно свѣтлѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ холоднѣе. Отъ рѣки поднимался паръ, превращавшійся въ густой туманъ, который окутывалъ нашъ пароходъ. Рѣзкій, холодный вѣтеръ рвалъ этотъ туманъ на клочья, и они проносились мимо насъ, на мгновение открывая высокіе живописные берега и прихотливые обороты рѣки, а затѣмъ снова заволакивая перспективу густой пеленой.

Пароходъ отъ времени до времени издавалъ гудки, а на носу матросъ все время дѣлалъ промѣры, такъ какъ рѣка въ этомъ мѣстѣ очень порожиста и, не видя въ туманѣ фарватера, можно налетѣть на камни. Къ тому же Сухона здѣсь страшно извилиста, и пароходъ все время вилялъ то въ ту, то въ другую сторону. Приближались Опоки, и надо было разбудить товарищей.

Было уже совершенно свѣтло, когда мы подѣзжали къ Опокамъ, и туманъ разсѣялся. Рѣка значительно расширилась, и справа и слѣва возвышались высокія стѣны. Особенно высокъ и крутъ былъ лѣвый берегъ рѣки, — сплошь состоящій изъ пестрыхъ мергелей: эта вертикальная стѣна и носить названіе Опоки; внизу, подъ ней, въ рѣкѣ тянутся „струи“ — переборы, занимающіе около половины рѣки, и песчаная отмели. За поворотомъ, высоко на берегу показывается деревня Опоки *), а берегъ становится еще выше: я насчиталъ въ немъ 64 отдѣльныхъ пласта, или горизонта, пестрыхъ мергелей, налегающихъ другъ на друга. Такая же вертикальная стѣна, только нѣсколько болѣе размытая водою, высится и на противоположномъ, правомъ, берегу. Мѣстность здѣсь настолько интересна и оригинально красива, что намъ какъ-то сразу захотѣлось вылѣзти на берегъ и пожить нѣсколько времени въ Опокахъ.

*) Въ путеводителѣ Островскаго — „Пороги“.

Бѣжавшій съ нами какой-то мѣстный уроженецъ передалъ намъ одно происшествіе, которое, говорятъ, разыгралось когда-то въ этихъ мѣстахъ: медвѣдь погнался за коровой, а та бѣжала, куда глаза глядятъ, но, подбѣжавши къ обрыву, успѣла повернуть, и вывернулась у медвѣдя изъ-подъ носу, а тотъ съ разбѣга проскочилъ мимо и полетѣлъ кубаремъ съ Опокъ прямо въ рѣку.

Между тѣмъ стало совершенно свѣтло, солнце взошло и озарило противоположный берегъ, а нашъ пароходъ плылъ въ тѣни, бросаемой на рѣку высокой береговой стѣной. Опоки были позади, и насъ всѣхъ клонило ко сну.

Проснулся я довольно поздно; оказалось, мы стоимъ въ Великомъ Устюгѣ. Выхожу на палубу, и первое, что мнѣ бросилось въ глаза, это — необыкновенное обиліе церквей и соборовъ, изъ которыхъ нѣкоторые стояли, казалось, у самой пристани. — „Ну ужъ городъ: одни попы!“ — слышу я сзади себя. Дѣйствительно, городъ расположенъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ пристани, домовъ съ рѣки не видно, зато церквей много множество, одинаковой архитектуры; по большей части похожія другъ на друга, какъ двѣ капли воды, онѣ вытянулись на набережной въ цѣлый рядъ, какъ солдаты на смотру. Такого изобилія церквей я не видалъ даже въ знаменитыхъ по этой части городахъ верхняго Поволжья, напр. въ Ростовѣ или Угличѣ.

Высокіе, крутые берега остались далеко позади. Берегъ, у котораго стоялъ нашъ пароходъ, былъ не особенно крутъ и обдѣланъ деревомъ въ набережную. Противоположный берегъ былъ замѣтно ниже и гораздо отложе.

На набережной замѣтно большое оживленіе — масса яркихъ костюмовъ, рубахъ, кофточекъ. На пристани лежатъ сложенные въ груды тюки товаровъ. У берега стоятъ большія баржи, называющіяся здѣсь почему-то „каюки“, — названіе, которымъ обыкновенно обозначается (особенно на югѣ) маленькая лодочка, душегубка. Всюду шныряютъ лодки, въ которыхъ гребцами, а также и пассажирами большею частью являются бабы. Отъ берега отваливаетъ переполненный людьми паромъ. Рядомъ съ нашимъ пароходомъ стоитъ другой, маленькій, „Сѣверянинъ“, отправляющійся вверхъ по Вычегдѣ въ Яренскъ. Пассажировъ на немъ не видать, только на палубѣ сидятъ студентъ и какая-то барышня, — фельдшерица или курсистка, оба очень симпатичные на видъ, и о чемъ-то разговариваютъ.

Времени у насъ въ распоряженіи было немного, а между тѣмъ хотѣлось хотя бы однимъ глазкомъ взглянуть на Великій Устюгъ. Мы наняли на пристани извозчика, съ тѣмъ, чтобы опъ провезъ насъ черезъ главную часть города и привезъ обратно. Городъ оказался старымъ и

типичнымъ провинціальнымъ, съ плохими мостовыми и деревянными тротуарами, съ городскимъ садомъ, съ каменными зданіями мужской и женской гимназій и съ такимъ же изобиліемъ церквей внутри, какъ и на набережной.

Впрочемъ, это особенное изобиліе, какъ намъ разъяснилъ нашъ возница, объясняется тѣмъ, что почти каждая церковь имѣетъ два зданія — лѣтнее и зимнее, стоящія рядомъ и очень схожія по внѣшности.

Въ городѣ довольно много каменныхъ зданій, и деревянныя постройки далеко не бросаются такъ въ глаза, какъ, напр., въ Вологдѣ или Тотъмѣ; вообще Великій Устюгъ гораздо больше напоминаетъ города внутренней Россіи, чѣмъ другіе сѣверные города: нѣтъ даже традиціонныхъ палпсадниковъ, столь типичныхъ для упомянутыхъ городовъ. Только бабы съ берестяными бураками и сдѣланными изъ дранки ящичками, попадавшіяся намъ навстрѣчу, напоминали о томъ, что мы въ одной изъ самыхъ лѣсныхъ губерній Россіи. Такимъ, по крайней мѣрѣ, показался намъ Великій Устюгъ послѣ поверхностнаго осмотра. Намъ бросилось еще въ глаза изобиліе сладкаго — пряниковъ, печеній, леденцовъ, которые продавались въ каждой лавочкѣ.

III.

За Устюгомъ берега имѣютъ совершенно иной характеръ, чѣмъ въ Опокахъ или на средней Сухонѣ. Оба берега низки; за крутымъ поворотомъ рѣки на правомъ берегу видѣются хлѣбныя поля и луга съ разбросаннымъ ивняковымъ кустарникомъ; на лѣвомъ — у самой воды стоитъ какая-то деревня. Изъ-за нея выглядываютъ купола и колокольни Устюга. Высоты праваго берега отошли далеко-далеко, на версту, а можетъ-быть и больше, отъ рѣки.

Мы проѣхали устье Юга и очутились уже въ Малой Двинѣ. Пейзажъ остался тотъ же, только воды стало замѣтно больше.

Пароходъ со всѣхъ сторонъ окружаютъ чайки. Мы пробуемъ ихъ кормить хлѣбомъ, какъ на Волгѣ. Онѣ охотно клюютъ брошенные куски, но ловить на воздухѣ, какъ это дѣлаютъ волжскія крачки, онѣ не умѣютъ.

Черезъ часъ перспектива мѣняется. Лѣвый берегъ весь покрытъ отмелями, повышается вдалькѣ и постепенно. По нему разбросана масса деревень и сель. За отмелями большія лужи, — остатки разлива. Въ рѣкѣ на каждомъ шагу мели и низкіе песчаные острова. Правый берегъ высокій, обрывистый и сложенъ изъ пестрыхъ мергелей. Онъ заросъ чуднымъ хвойнымъ лѣсомъ, насколько можно разобрать съ парохода, — сосново-пихтовымъ, съ лиственной опушкой. Вскорѣ, однако, лѣсъ переходитъ въ кустарникъ, а крутой берегъ, расчлененный на куски во-

домоинами, тянется на большое разстояніе, покрытый то кустарникомъ, а то, гораздо рѣже, лѣсомъ. Рѣка здѣсь достаточно широка, — не уже Волги въ концѣ средняго плеса. Полное безвѣтріе: вода спокойна, какъ зеркало.

На лѣвомъ берегу появляются громадныя склады дровъ, а въ сторонѣ виднѣются трубы и зданія какой-то фабрики, — вѣроятно, Грибановской мануфактуры, которая находится недалеко отъ Устюга. По высотамъ праваго и лѣваго береговъ сель и деревень стало, какъ будто, еще больше. Чайки, во множествѣ окружающія нашъ пароходъ, то кричатъ протяжно и заунывно, то визжатъ, какъ поросята. Мы приближаемся къ стоящему на правомъ берегу Кресавинскому пивоваренному заводу, пррстаемъ на короткое время и трогаемся дальше.

Вскорѣ затѣмъ и высоты праваго берега отходятъ далеко въ сторону, и теперь вдоль берега съ правой стороны на далекое разстояніе тянется обширный дугъ. На концѣ дуга село съ бѣлой церковью. И опять берегъ становится высокимъ и обрывистымъ, опять огромная толща пестрыхъ мергелей, прикрытыхъ ледниковыми отложеніями. Пестрые мергеля здѣсь довольно сильно дислоцированы — встрѣчаются значительныя изгибы пластовъ. Мы приближаемся къ знаменитымъ раскопкамъ варшавскаго проф. Амалицкаго, откуда онъ извлекъ остатки гигантскихъ земноводныхъ и пресмыкающихся пермскаго періода, дотолѣ совершенно неизвѣстныхъ въ наукѣ, иностранцевъ и парейзавровъ, родственники которыхъ были найдены только въ соответствующихъ отложеніяхъ южной Африки.

Мы не отходимъ отъ борта, жадно вглядываясь въ высокій правый берегъ рѣки. Вотъ, зажатая между пластами пестрыхъ мергелей, показались темныя, почти черныя „линзы“, — толстыя прослойки глины въ формѣ разрѣзанной чечевицы, или, еще лучше, круговаго сегмента; одна изъ нихъ сильно раздѣлана, и въ ней виднѣются остатки какихъ-то сооруженій — это и есть знаменитыя раскопки. Работы въ нихъ въ настоящее время не производятся — Амалицкій занятъ разборкой уже добытаго матеріала.

Вскорѣ вдаль показались амбары съ красными крышами, еще ближе стали видны упирающіяся въ рѣку эстакады, трубы, желоба для ссыпки хлѣба; видно, что близко Котласъ, крупный центръ, черезъ который проходитъ въ Архангельскъ весь сибирскій и вятскій хлѣбъ. Дѣйствительно, черезъ нѣкоторое разстояніе на берегу опять деревянныя амбары съ эстакадами а за ними купола церквей и какія-то бѣлыя башенки-павильончики высоко на горѣ; дальше показались бревенчатая пристани, деревянная бревенчатая набережная и полотно желѣзной дороги съ товарными вагонами внизу у самыхъ пристаней.

Навстрѣчу намъ плыль буксирный пароходъ „Пермь“, таща за собой три тяжело нагруженные баржи. Чѣмъ ближе къ пристани, тѣмъ больше стало попадаться баржей; тихая, будто сонная, рѣка какъ-то сразу оживилась. Благодаря позднему времени года было довольно мелко, и пароходъ осторожно пробирался между баржами, чтобы какъ-нибудь не сѣсть на мель.

Но вотъ мы и у пристани. Трудно представить себѣ то оживленіе, которое внесла сюда желѣзная дорога. Послѣ тихихъ пристаней, которыя встрѣчались намъ до сихъ поръ, гдѣ на пароходъ садилось и слѣзало два-три человѣка, гдѣ не было замѣтно значительной толпы даже у большихъ городовъ, каковы Тотма и Устюгъ, меня сразу поразили тотъ шумъ и многоголосый говоръ, который встрѣтилъ насъ у пристани, и та толпа, которая густымъ потокомъ хлынула на пароходъ, какъ только успѣли кинуть мостки. Среди этой толпы я замѣтилъ моего товарища, географа С., который, какъ оказалось, отправлялся на Мурманъ и теперь ѣхалъ вмѣстѣ съ нами до Архангельска; онъ тотчасъ же познакомился съ моими спутниками и быстро вошелъ въ нашу компанію.

Узнавши отъ капитана, что пароходъ простоятъ довольно долго, такъ какъ будетъ грузиться, мы отправились погулять подъ предводительствомъ С., который пріѣхалъ сюда еще наканунѣ и могъ считаться по сравненію съ нами знатокомъ Котласа.

То впечатлѣніе оживленія, которое у меня получилось на пристани, еще болѣе усилилось: вся набережная была усѣяна народомъ. Пестрые платки и платья женщинъ, черные картузы и пиджаки мужчинъ, рядомъ съ ними мужики въ лаптяхъ и онучахъ, бабы съ какимъ-то страннымъ головнымъ уборомъ, очевидно, сохранившимся изъ глубокой старины, громкій говоръ съ рѣзкимъ акцентомъ на о, смѣхъ, звуки гармоникки, обрывки пѣсни,—все это сливалось въ одну пеструю, но въ то же время цѣльную картину.

Мы поднялись навверхъ, мимо бѣлыхъ деревянныхъ башенокъ, которыя, какъ оказалось, были сооружены по случаю поѣздки на сѣверъ С. Ю. Витте, тогда еще министра финансовъ, и должны были играть роль триумфальной арки, и отправились на вокзалъ Пермской ж. д., находившійся въ нѣсколькихъ стахъ саженьяхъ отъ пристани. Обыкновенный деревянный вокзалъ не представлялъ ничего особеннаго, но что намъ бросилось въ глаза, такъ это масса народу, но уже на этотъ разъ болѣе однороднаго состава: ни пиджаковъ, ни городскихъ платьевъ здѣсь не было видно совсѣмъ. Вся платформа была занята мужиками, большею частью уже не молодыми, боролатыми, бабами, часто съ ребятишками,—все это въ настоящей деревенской одеждѣ, съ котомками

и узлами. Дѣло было въ самый разгаръ японской войны,—и призывались запасные, уже давно успѣвшіе покончить съ дѣйствительной службой и обзавестись семьями. Поѣздъ съ запасными долженъ былъ отойти черезъ часъ или полтора, и, вѣроятно, только поэтому намъ не пришлось быть свидѣтелями тѣхъ раздирающихъ сценъ, какія двѣ недѣли назадъ я видѣлъ на всемъ среднемъ Поволжьѣ, отъ Казани и до Царицына, когда взрослые, здоровенные мужики плакали, какъ дѣти, когда ихъ буквально силкомъ отрывали отъ своихъ при отходѣ парохода,—но все-же общее впечатлѣніе было удручающее.

Когда потомъ, часа два спустя, пароходъ тронулся, на палубѣ 3-го класса прибавилось много новыхъ пассажировъ,—все больше бабъ съ заплаканными глазами, проводившихъ своихъ кормильцевъ, быть можетъ навсегда.

За Котласомъ берега оба не высоки. Мы проѣзжаемъ устье рѣки Котласа, а черезъ нѣсколько времени и устье многоводной Вычегды. Пароходъ останавливается у деревни Ускорье, что-то выгружаетъ, забираетъ дрова, сложенные въ полѣнницы на лѣвомъ берегу, и трогается дальше.

Послѣ впаденія Вычегды мы уже въ Большой Сѣверной Двинѣ. Рѣка здѣсь широкая, не уже Волги между Нижнимъ и Казанью. Оба берега низменны; въ устьяхъ Вычегды лежатъ многочисленные низкіе острова и протоки. Вскорѣ затѣмъ по обѣ стороны начинаются исполнскія отмели, тянущіяся на нѣсколько верстъ въ длину, и болѣе версты въ ширину. Оба берега виднѣются издали: лѣвый—крутой, совершенно безлѣсный, усѣянный селами и деревнями, и только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ нѣсколько ниже, и гдѣ пароходъ отходитъ отъ него дальше, (фарватеръ извивается отъ одного берега къ другому), видно, что гдѣ-то далеко весь горизонтъ занятъ зубчатой линіей лѣса. Съ правой стороны, далеко-далеко за островами и мелями виднѣется крутой обрывистый берегъ, у самаго края котораго темной стѣной подымается хвойный лѣсъ. Далѣе, до самаго поздняго вечера, главное русло Двины, по которому идетъ нашъ пароходъ, то подходитъ къ лѣвому берегу вплотную, то нѣсколько отступаетъ отъ него. Но все-же лѣвый берегъ все время отъ насъ близко. Онъ довольно высокъ, обрывистъ и состоитъ изъ горизонтальныхъ, разноцвѣтныхъ слоевъ пестрыхъ мергелей. До вечера у насъ было двѣ болѣе значительныхъ остановки—въ Комарицахъ и въ Красноборскѣ. Воспользовавшись остановкой, мы слѣзли съ парохода, чтобы нѣсколько ближе познакомиться со строеніемъ лѣваго берега. Береговой обрывъ, какъ оказалось, состоитъ изъ двухъ толщъ слоевъ: изъ пестрыхъ мергелей и подстилающаго ихъ грязнобѣлаго известняка, съ ископаемыми, которыхъ намъ удалось набрать нѣсколько штукъ.

Отъ времени до времени пароходъ беретъ пассажировъ, которые подъѣзжаютъ къ нему на лодкахъ: пароходъ замедляетъ ходъ, спускаютъ лѣстницу, и пассажиры взбираются. Гребцы по большей частью бабы. Разъ гребцы съ одной изъ лодокъ предложили кунить великолѣпную, больше аршина, стерлядь, которая была немедленно приобрѣтена поваромъ для буфета.

Лѣвый берегъ все время совершенно голъ; поэтому пріятно бросается въ глаза хорошенькое мѣстечко Пермогорье, гдѣ пароходъ спустилъ какихъ-то пассажировъ: высоко на горѣ церковка, окруженная стройными пихтами; двѣ-три изъ нихъ сидятъ на самомъ склонѣ высокоаго берега.

Вечерѣтъ; уже 10 часовъ, а все свѣтло. Рѣка подернулась перламутромъ и кажется необычайной ширины—берега ушли куда-то далеко-далеко.

Къ 11 ч. мы подъѣзжаемъ къ большому селу Черевкову, раскинушемуся по правую сторону рѣки на песчаномъ, аллювіальномъ островѣ. За селомъ виднѣтся обширный лугъ; на лугу, на берегу, на пристани масса народа.

Въ Черевковѣ мы возились очень долго,—погрузили массу какихъ-то бочекъ, а когда пароходъ отчалилъ, и я отправился спать, было еще такъ свѣтло, что свободно можно было читать.

На слѣдующій день я проснулся въ 6 ч. и выглянулъ въ окошко каюты: мы стояли у праваго берега; онъ высокъ, обрывистъ и покрытъ хвойнымъ лѣсомъ. Когда я одѣлся и вышелъ на палубу, мы только что отчалили. По сравненію со вчерашнимъ картина измѣнилась. Берега рѣки поочередно, то правый, то лѣвый, высоки, обрывисты и состоятъ изъ пестрыхъ мергелей, прикрытыхъ песками.

Мы находимся уже въ предѣлахъ Архангельской губерніи. По обѣ стороны рѣки, то ближе, то дальше въ глубь страны, разбросаны деревни и села съ деревянными церквами оригинальной архитектуры: однѣ напоминаютъ домъ съ башенкой, въ родѣ бельведера, посрединѣ, другія—старинныя норвежскія церкви, которыя оказали несомнѣнное вліяніе на древне-русскую архитектуру. Колокольня почти всегда отдѣльно и напоминаетъ по внѣшнему виду скорѣе какой-нибудь маякъ, но ужъ никакъ не колокольню: высокая, довольно узкая, многогранная башня, почти безъ оконъ, до самаго верха сплошь забранная тесомъ; наверху площадка; надъ ней на низенькихъ столбикахъ держится деревянный, тоже гранистый куполъ, подъ которымъ висятъ колокола. И все это простое, сѣрое,—такого цвѣта, какого бываютъ некрашенныя деревянные постройки: сараи, бани, погреба, обвѣтрѣлыя отъ солнца, дождя

и непогоды. И хотя нѣкоторыя церкви построены и не особенно давно, но отъ всего этого вѣетъ такой глубокой стариной, все это такъ непохоже на наше, средне-русское, что невольно бросается въ глаза даже человѣку, не имѣющему объ архитектурѣ никакого понятія. Особенно привлекъ наше вниманіе посадъ Троицкій, или, какъ его здѣсь зовутъ, Троицы, стоящій настолько близко къ берегу, что его удалось сфотографировать.

На высококомъ правомъ берегу появляются лиственницы; иногда онѣ составляютъ главную породу.

Черезъ нѣсколько времени картина измѣнилась: направо крутой, низкій берегъ, весь изъ песка, — несомнѣнно аллювіального происхожденія; налево — громадная мель, а за ней крутой песчаный берегъ, на которомъ безконечной лентой тянется сосновый боръ, съ чернымъ низомъ — несомнѣнно горѣлый; пожаръ былъ, очевидно, не сильный: горѣла только хвоя на землѣ, да разная мелкота, а старыя деревья выдержали, и только обгорѣли снизу.

Навстрѣчу намъ попадается множество плотовъ; они перегородили чуть не всю рѣку: пароходъ даетъ свистки, плотовщики усиленно отгребаютъ. Пароходъ проскальзываетъ въ очистившійся проходъ, а плохосвязанныя бревна прыгаютъ на волнахъ, какъ фортепіанныя клавиши.

Къ пароходу постоянно пристають лодки съ бабами-гребцами, сдавая и принимая пассажировъ, главнымъ образомъ третьяго класса. Зато въ первомъ и во второмъ классахъ пассажировъ нѣтъ почти совсѣмъ: кромѣ насъ четверыхъ, въ Архангельскъ ѣхала только женщина, жена кого-то изъ служащихъ, — очевидно, съ бесплатнымъ билетомъ, да какіе-то два купца, остальные послѣзали раньше, главнымъ образомъ въ Устюгъ и Котласъ. Только когда мы проѣзжали большое село Конецгорье, какъ мнѣ сказалъ матросъ, къ намъ сѣли съ лодки трое путейцевъ, судя по дорожному, нѣсколько потертому виду, очевидно, возвращавшіеся съ какихъ-нибудь изысканій; но и они ѣхали только до ближайшей значительной пристани.

Рѣка нѣсколько оживилась: прошелъ буксиръ, тащившій за собой три баржи; дальше на песчаномъ берегу мы увидѣли рядъ бочекъ, — смоляныя бочки съ разбившагося здѣсь карбаса, какъ объяснили намъ путейцы. Мы приближались къ устью Ваги. Въ лѣсу, который растетъ на берегу, довольно ясно можно было различить высокія пихты. Намъ навстрѣчу проплылъ большой буксиръ, тащившій цѣлыхъ шесть тяжело нагруженныхъ баржъ, и всетаки Двина производитъ чрезвычайно пустынное впечатлѣніе, въ особенности по сравненію съ Волгой: достаточно сказать, что за весь день, съ утра пароходъ остановился только у одной, пристани, у с. Березники, а плоты и буксиры мы видѣли почти исклю-

чительно у устьевъ Ваги,— главной артеріи обширнаго Шенкурскаго уѣзда, ведущаго огромную торговлю лѣсомъ, и другими лѣсными товарами: смолой, дегтемъ и т. д.

За устьемъ Ваги оба берега не особенно круты и покрыты мелкимъ лѣскомъ; у воды тянется довольно широкая полоса бечевника.

Въ Березникахъ на пристави, въ толпѣ видѣлось нѣсколько китайцевъ, такихъ же несчастливцевъ, какъ и вологодскіе корейцы, высланныхъ „въ сѣверныя губерніи“ по случаю войны съ Японіей. Они толкались между публикой, продавая различныя китайскія издѣлія: бумажные фонари, вѣера изъ разноцвѣтной бумаги и другія бездѣлушки; нѣкоторые изъ нихъ уже вполне освоились и хорошо говорили по-русски, а другіе едва могли объяснить цѣну продаваемой вещи.

Между тѣмъ стали убирать сходни и гнать набившуюся на пароходъ постороннюю публику; съ китайцами, изъ которыхъ нѣкоторые тоже зашли на пароходъ, обхожденіе было еще проще: одного изъ нихъ, медлившаго уходомъ, матросъ схватилъ сзади за плечи, и съ такой силой толкнулъ въ спину, поддавши еще сзади колѣнкой, что тотъ пролетѣлъ всѣ сходни.

Меня, выдавшаго приемы обращенія съ инородцами въ различныхъ частяхъ нашего отечества, такой способъ не удивилъ, хотя, признаюсь, я предполагалъ, что именно здѣсь, на сѣверѣ, гдѣ русскіе не являются завоевателями края, а мирно живутъ вмѣстѣ съ инородцами чуть не цѣлое тысячелѣтіе, обращеніе съ ними должно бы быть нѣсколько иное.

Обиженный, однако, въ долгу не остался. Очутившись на пристани, китаецъ,— тотъ самый, который не умѣлъ сказать ни слова по-русски,— повернулся къ обидчику и выпалпль по его адресу нѣсколько самыхъ крѣпкихъ, русскихъ ругательствъ,— первое, чему обыкновенно научаются инородцы*).

На слѣдующій день я проснулся въ пятомъ часу утра и выглянулъ въ окошко: мы шли возлѣ высокаго, обрывистаго, праваго берега, покрытаго лѣсомъ.

Когда, нѣсколько времени спустя, мы проснулись всѣ, пароходъ стоялъ, и, какъ намъ заявили, будетъ стоять еще долго, такъ какъ

*) По этому поводу мнѣ припоминается одинъ случай изъ моихъ прежнихъ скитаній: въ Уфимской губерніи, въ степи, со мной въ качествѣ ямщика ѣхалъ башкиръ, мальчишка лѣтъ 16—17, который на всѣ мои вопросы отвѣчалъ только: „урса бельмей“ („по-русски не понимаю“), а когда я съ помощью нѣсколькихъ татарскихъ словъ объяснилъ ему, что надо ѣхать быстрее, погналъ лошадей во весь опоръ, поощряя ихъ отборными русскими ругательствами. Приѣхавши на мѣсто, онъ довольно долго стоялъ у дверей безъ картуза, спрашивая „на водка“, но всѣ дальнѣйшія попытки заговорить съ нимъ попрежнему оказались безуспѣшны,—репертуаръ его русскихъ словъ былъ исчерпанъ.

ему предстоитъ взять здѣсь большой грузъ дровъ: раньше онъ бралъ кое-гдѣ дрова только для собственнаго употребленія, а теперь, новидному, это былъ грузъ, который надлежало отвезти въ Архангельскъ.

Наскоро одѣвшись и умывшись, выходимъ на палубу. Яркое, солнечное утро, высокій крутой, глинистый берегъ, положены сходни, по которымъ снуютъ какія-то бабы и наши матросы, перетаскивая на плечахъ въ пароходъ крупныя березовыя дрова. Поднимаемся наверхъ — высокая, густая росистая трава съ разбросанными кустарниками; неподалеку отъ берегового обрыва безконечное, какъ намъ показалось, количество аккуратно сложенныхъ превосходныхъ березовыхъ дровъ, а на нѣкоторомъ разстояніи сначала болѣе рыхлая, а дальше плотная стѣна лѣса съ березой, осиною и елью.

Мы успѣли вернуться на пароходъ, напиться кофе, затѣмъ вылѣзли на берегъ и отправились побродить по окрестностямъ. Кругомъ ни слѣда человѣческаго жилья; вдоль берега на значительное разстояніе протянулся сочный зеленый лугъ съ мелкими и крупными кустарниками ивняка, та характерная лугово-лѣсная формація, которая встрѣчается у насъ повсюду на лѣсныхъ полянахъ, на опушкахъ и по склонамъ неглубокихъ лѣсныхъ овраговъ; повсюду, то ближе, то дальше, эта луговина замыкалась довольно высокимъ, хотя и не очень старымъ, смѣшаннымъ лѣсомъ.

Вся природа производила впечатлѣніе средней Россіи, какого-нибудь изъ сѣверныхъ лѣсистыхъ уѣздовъ Московской губерніи. Не только видовой составъ флоры не отличается какими-либо особенными, болѣе сѣверными формами, но даже самый характеръ цвѣтенія былъ тотъ же, что и у насъ: какъ и тамъ, здѣсь уже начинали зацвѣтать нѣкоторыя растенія второй половины лѣта. Разница съ нашей природой сказывалась развѣ только въ большей пышности и густотѣ травы, да въ полномъ отсутствіи желтыхъ, высохшихъ злаковъ, которые къ этому времени уже начинаютъ появляться на нашихъ полянахъ: все было сочно, свѣжо и зелено.

Наконецъ, дрова стали подходить къ концу, мы вернулись на пароходъ, и вскорѣ нашъ „Преподобный Зосима“ тронулся дальше внизъ по теченію.

На дальнѣйшемъ пути къ Архангельску намъ встрѣтилось еще одно чрезвычайно интересное мѣсто.

Еще издалека, въ бинокль замѣтили мы, что крутой берегъ Двины принялъ снѣжно-бѣлый цвѣтъ: мы приближались къ знаменитымъ алебастровымъ берегамъ. Вскорѣ нашъ пароходъ шелъ уже вдоль самаго берега рѣки, на такомъ близкомъ разстояніи, что можно было прекрасно рассмотреть всѣ его детали и даже сдѣлать нѣсколько фотографическихъ снимковъ.

Берегъ не особенно высокій, мѣстами даже довольно низкій, но все время крутой и обрывистый, сверху поросшій густымъ хвойнымъ лѣсомъ. Подъ неглубокимъ слоемъ темной, красноватой подпочвы до самой воды, уходя подъ уровень рѣки, залегаеть мощный пластъ бѣлаго, какъ сахаръ, гипса, мѣстами покрытаго буро-краснымъ налетомъ окисловъ желѣза и потеками подпочвы, спускающимся сверху. Нѣсколько выше поверхности рѣки (вѣроятно соотвѣтственно среднему наиболѣе обычному ея уровню) гипсовый пластъ подмытъ водою, образуя карнизъ, тянущійся, кажется, вдоль всего выхода пласта; выше въ толщѣ пласта гипса встрѣчаются навѣсы и ниши, выдолбленные рѣкой, а мѣстами чернѣють темныя отверстія вымытыхъ водою гротовъ и пещеръ. Картина была настолько оригинальна и интересна, что мы не отходили отъ борта, пока пароходъ шелъ вдоль гипсовыхъ береговъ, и очень жалѣли, что здѣсь нельзя гдѣ-нибудь высадиться, чтобы ближе познакомиться съ этимъ любопытнымъ явленіемъ.

IV.

Вотъ мы и въ Архангельскѣ. Нашъ „Преподобный Зосима“ остановился у солидной деревянной пристани, и началась высадка и выгрузка.

Что прежде всего обращаетъ на себя вниманіе, такъ это—расположеніе пристаней. Въ этой, южной части Архангельска рѣка не подходитъ вплотную къ берегу: между невысокой, совершенно не обдѣланной набережной и водой лежитъ нѣчто въ родѣ пляжа—широкая, въ нѣсколько десятковъ саженей, низменная полоса, въ половодье покрытая водою, а лѣтомъ ближе къ набережной имѣющая видъ зеленаго луга, на которомъ даже пасутся кой-гдѣ лошади, а дальше представляющая сплошную топкую болотину, которая постепенно переходитъ въ дно рѣки. Отъ набережной къ пристанямъ проложены широкіе и длинные мостки.

Выгрузившись, мы наняли извозчика, водворили на него свои вещи, и С. отправился съ ними въ гостиницу—мы рѣшили остановиться въ Тронцкой, которая по отзывамъ являлась одной изъ лучшихъ въ городѣ и въ то же время не слишкомъ дорогой,—а сами пошли на пристань Мурманскаго Общества разузнать насчетъ пароходовъ, которые идутъ на Новую Землю и на Печору: мы еще не знали, какимъ способомъ удастся доставиться на Канинъ, но полагали пристроиться на какомъ-либо печорскомъ или новоземельскомъ пароходѣ и высадиться на Канинскомъ носу, а затѣмъ къ назначенному сроку явиться на условленное мѣсто, чтобы какой-нибудь изъ обратныхъ пароходовъ насъ подобралъ и доставилъ въ Архангельскъ.

Огромное количество наших вещей и оригинальная форма многих из них, а также фотографический аппарат и штативъ, привлекли вниманіе какого-то здоровеннаго рыжаго мужчины въ картузѣ. Онъ сразу понялъ, что имѣеть дѣло съ путешественниками, и, подойдя къ намъ, сталъ предлагать свои услуги въ качествѣ проводника, помощника, или вообще, „человѣка при экспедиціи“, увѣряя, что онъ ѣздилъ съ самимъ Чернышовымъ *). Самъ по себѣ онъ не показался намъ антипатичнымъ, но намъ въ это время было совершенно не до него, такъ какъ мы сами еще не знали, какъ устроимся, и мы отнеслись къ его предложенію весьма равнодушно. Впослѣдствіи намъ пришлось пожалѣть объ этомъ.

Когда мы пришли на Мурманскую пристань, тамъ было совершенно пустынно; чтобы чего-нибудь добиться, мы пошли къ стоявшему у самой пристани сравнительно небольшому пароходу „Федоръ Чижовъ“. Попасть на него было довольно затруднительно, такъ какъ, хотя онъ стоялъ вплотную у пристани, сходни положены не были, и приходилось перелѣзать прямо съ пристани черезъ бортъ. Насъ это нѣсколько смутило, но когда мы увидѣли, что и служащіе на пароходѣ пользуются этимъ путемъ, наши сомнѣнія исчезли. Навстрѣчу намъ вышелъ самъ капитанъ; онъ оказался очень словоохотливымъ и говорилъ съ нами много и пространно, но изъ нужныхъ для насъ свѣдѣній мы узнали очень мало: рейсы на Печору только что начались, и на-дняхъ долженъ итти туда пароходъ, но когда, — въ точности не извѣстно; на Новую Землю рейсовъ не было.

Перелѣзши обратно на пристань, мы наняли извозчика и поѣхали въ Троицкую гостиницу, сперва вдоль берега рѣки, а затѣмъ по Троицкой улицѣ, обставленной деревянными двухъэтажными домами. Нашъ номеръ помѣщался въ деревянномъ флигелѣ, во дворѣ; за 2 р. 50 к. въ сутки мы получили большой, чистенькій номеръ, изъ двухъ комнатъ и передней, въ которомъ мы могли отлично помѣститься всѣ четверо. Послѣ чая Ш. пошелъ къ губернатору съ письмомъ отъ Московскаго Общества Испытателей Природы съ просьбой о содѣйствіи, а мы отправились на почту, да ужъ кстати и посмотрѣть городъ. Сговорились встрѣтиться въ рыбопромышленномъ музеѣ.

Архангельскъ построенъ весьма удивительно: зажатый съ одной стороны между тундрой, а съ другой — между рѣкой, онъ растянулся по берегу Двины и ея притока, Кузнечихи, слишкомъ на семь верстъ, не считая предмѣстій Соломбалы и Маймаксы. Благодаря такой странной формѣ весь городъ состоитъ изъ набережной и трехъ-четыреухъ улицъ,

*) Академикъ О. Н. Чернышовъ, много путешествовавшій по сѣверу Россіи.

носящихъ названіе проспектовъ; проспекты пересѣкаются короткими переулками - улицами, которыя однимъ концомъ выходятъ въ тундру, другимъ — на рѣку.

Троицкій проспектъ, на которомъ стоитъ наша гостиница, представляетъ главную артерію города: на немъ находятся главные магазины, гостиницы, рестораны; онъ прорѣзываетъ площади, на которыхъ находятся важнѣйшія зданія города, и касается городского сада.

Большая часть набережной и Троицкій проспектъ вымощены камнемъ; напротивъ, попадавшіяся намъ поперечныя улицы вовсе не мощены. И здѣсь тротуары вымощены досками и густо обросли травой, особенно на поперечныхъ улицахъ; подъ тротуарами находятся деревянные желоба, замѣняющіе сточныя трубы.

Дома въ Архангельскѣ по большей части двухъэтажные, деревянные, большинство даже не штукатурено; многіе новенькіе домики, въ особенности въ сѣверной части города, въ такъ называемой Нѣмецкой слободѣ, обдѣланы деревомъ и очень изящны. Каменные зданія, по большей части общественныя или казенныя, сгруппировались, главнымъ образомъ, вокругъ одной изъ площадей, такъ называемой Ломоносовской, на которой стоитъ памятникъ Ломоносову. Въ противоположность остальному Архангельску, имѣющему свою, довольно-таки оригинальную фizioномію, почти всѣ эти зданія имѣютъ банальный, казенно - провинціальныи видъ; таковы: неуклюжее, казарменное зданіе съ надписью „Губернская гимназія“, къ которому чья-то остроумная рука придѣлала маленькую деревянную колоколенку въ новомъ стилѣ; два почти рядомъ стоящія розовыхъ зданія городской управы и полицейскаго управления, оба съ каланчами, — тоже плодъ губернскаго остроумія, особенно интересный въ городѣ, который съ предмѣстьями растянулся чуть не на 10 верстъ; большое, тяжелое зданіе присутственныхъ мѣстъ, и солидный, съ колоннами, губернаторскій домъ, красиво декорированныи елями и березами.

Интересенъ и самый памятникъ Ломоносову: великій человекъ, одѣтый въ легкій древнегреческій костюмъ, стоитъ въ какой-то недоумѣвающей-растерянной позѣ и съ блаженно-глупымъ выраженіемъ на поднятомъ вверхъ лицѣ, а у ногъ его стоитъ на колѣняхъ ангелъ, подающій Ломоносову лиру. Этотъ памятникъ, въ особенности благодаря ангелу, служить, какъ и мѣдная „баба“ въ Симбирскѣ (статуя музы исторіи Клю, долженствующая изображать памятникъ Карамзину), источникомъ различныхъ недоразумѣній: какъ рассказывали мнѣ впоследствии мѣстные обыватели, когда во время ярмарки собирается въ Архангельскъ много народа изъ глухихъ деревень, то многія бабы крестятся на эту статую, принимая Ломоносова за святого съ ангеломъ.

На этой же площади помѣщается и рыбопромышленный музей: въ немъ масса интереснаго матеріала, относящагося къ морскимъ промысламъ и быту мѣстныхъ инородцевъ, хорошая коллекція рыбъ и другихъ промысловыхъ животныхъ, но все это уставлено такъ тѣсно, что осматривать въ высшей степени трудно.

На другой площади, прорѣзываемой Троицкимъ проспектомъ, стоитъ, окруженный небольшимъ садикомъ, Архангельскій соборъ, огромное столпообразное зданіе, съ пятью вытянутыми огулцомъ куполами, синяго цвѣта съ золотыми звѣздами. Самъ по себѣ соборъ не красивъ, но поставленъ великолѣпно: на высокомъ берегу Двины, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ этотъ берегъ всего выше, и гдѣ онъ дѣлаетъ крутой загибъ къ сѣверо-востоку, раскрывая широкую панораму вверхъ и внизъ по рѣкѣ съ обширнымъ видомъ на лежаціе противъ города острова. Отъ собора и вверхъ и внизъ по рѣкѣ набережная представляетъ много интереснаго. Вверхъ по рѣкѣ, почти до самыхъ пристаней Сѣвернаго и Мурманскаго обществъ, раскинулась торговая часть города: здѣсь помѣщаются оптовые склады и магазины, знаменитый архангельскій рыбный рынокъ, здѣсь торгуютъ деревянными и другими кустарными издѣліями; здѣсь бываетъ по воскресеньямъ еженедѣльный базаръ. Сюда же выходитъ другимъ фасадомъ наша Троицкая гостиница; здѣсь же, нѣсколько выше, стоитъ жалкое, старенькое зданіе архангельскаго театра.

Передъ соборомъ, на набережной, небольшой скверъ, въ которомъ стоитъ длинное, нескладное каменное зданіе, носящее почему-то названіе: „домикъ Петра Великаго“, что привело меня сначала въ недоумѣніе, такъ какъ, насколько я зналъ, въ Архангельскѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, Петръ жилъ въ довольно простомъ деревянномъ домѣ; секретъ этотъ разъяснился впоследствии.

Благодаря своему выгодному положенію соборъ виденъ отовсюду и, выглядывая изъ густой, яркой зелени сквера, составляетъ главную красу Архангельска, въ особенности, если подъѣзжать къ городу съ рѣки, сверху или снизу.

Эта часть набережной постоянно оживлена множествомъ парусныхъ судовъ и лодокъ самаго разнообразнаго вида и размѣра, и вмѣстѣ съ Солобалой и Маймаксою составляетъ одну изъ важнѣйшихъ частей Архангельскаго порта.

Внизъ по рѣкѣ, отъ собора направо, на набережной бросается въ глаза громадное бѣлое, очень стариннаго вида, зданіе, обнесенное невысокой каменной стѣной, съ круглыми, приземистыми башенками по угламъ: и башенки и само зданіе съ плоскими, крытыми желѣзомъ и выкрашенными въ красную краску куполами. Зданіе это, построенное въ XVII столѣтіи, называлось прежде „Каменный городъ“ и представляло

укрѣпленный гостиный дворъ, а въ настоящее время здѣсь помѣщается окружный судъ и таможня.

Дальше, за губернаторскимъ садомъ, который выходитъ на Двину, на набережной разбитъ бульваръ изъ красивыхъ бѣлыхъ березъ; промежутки между деревьями густо заросли шиповникомъ, который въ это время цвѣлъ крупными розовыми цвѣтами. Бульваръ тянется на цѣлую версту по высокому берегу Двины, и съ него открывается чудесный видъ на рѣку, которая, распадаясь на рукава, достигаетъ въ этомъ мѣстѣ до пяти верствъ въ ширину, на плоскіе зеленые острова двинской дельты и на разбросанные по нимъ села и деревни.

Еще далѣе внизъ по рѣкѣ возвышается массивное каменное четырехъэтажное зданіе механико-техническаго училища въ память Петра Перваго, если не ошибаемся, единственный четырехъэтажный домъ во всемъ Архангельскѣ; въ противоположность всѣмъ остальнымъ общественнымъ зданіямъ города, техническое училище, хотя открыто было уже свыше 12 лѣтъ назадъ, казалось совершенно новенькимъ, чуть не съ иголки.

Кромѣ всѣхъ уже упомянутыхъ скверовъ и бульваровъ, въ городѣ имѣется выходящій на Троицкій проспектъ городской садъ, съ тѣнистыми березами, и множество частныхъ садовъ и палисадниковъ, такъ что въ общемъ въ городѣ зелени много, и зелень—настоящая сѣверная: яркая, сочная, свѣжая.

Особенно много садовъ въ Нѣмецкой слободѣ, которая вообще отличается своей чистотой и красивыми домами; здѣсь находятся маленькія, но очень изящныя церкви: лютеранская, англиканская и католическая,—какъ и обыкновенно въ нашихъ провинціальныхъ городахъ, одни изъ самыхъ красивыхъ зданій въ городѣ. Въ Нѣмецкой слободѣ изъ-за каждаго забора выглядываютъ березы, рѣже душистый тополь и какой-то цвѣтущій кустарникъ, очень похожій на сирень, а на окнахъ повсюду въ банкахъ виднѣются наши лѣтники: хризантемы, астры, бархатцы, анютины глазки и т. д.

Пока мы осматривали музей, туда явился Ш.; его визитъ къ губернатору былъ весьма удаченъ; былъ разговоръ по телефону съ директоромъ Мурманскаго общества, и оказалось возможнымъ высадить насъ на Каниномъ носу и подобрать на обратномъ пути. Все наше дѣло губернаторъ передалъ чиновнику особыхъ порученій А. М. Макарову, который служилъ еще при Энгельгардтѣ, отлично знаетъ край и постоянно ѣздитъ съ пароходами Мурманскаго общества, ходящими по казенной надобности на Новую Землю, Колгуевъ и въ Хабарово (на полуостровѣ Пайхоѣ). Благодаря этому почти всѣ научныя экспедиціи послѣдняго времени на сѣверъ Россіи проходили черезъ его руки: Чернышовъ,

Якобій, Поле, Житковъ и Бутурлинъ и т. д. (И намъ, какъ выяснилось потомъ, А. М. Макаровъ оказалъ прямо неоцѣнимыя услуги).

Для того, чтобы окончательно выяснить время отъѣзда, надо было еще лично переговорить съ директоромъ Мурманскаго общества г. Виттомъ, къ которому мы съ Ш. немедленно и отправились. Изъ разговоровъ съ Виттомъ выяснилось, что на Каниномъ носу насъ высаждать, если только не помѣшаютъ волненіе и туманы: „весной у насъ всегда такая плохая погода!“ (дѣло было въ началѣ іюля, но для Ледовитаго океана это была, конечно, еще весна). Далѣе онъ объяснилъ намъ, что ѣхать мы можемъ на одномъ изъ двухъ пароходовъ — „Печора“ и „Сергій Витте“, но настоятельно совѣтовалъ на послѣднемъ, такъ какъ „Печора“ идетъ завтра утромъ, и мы не успѣемъ приготовиться, да и помѣщеніе для пассажировъ на „Витте“ гораздо лучше; „Витте“ идетъ дня черезъ два, черезъ три, ни въ коемъ случаѣ не позже, и мы должны завтра въ 5 час. зайти справиться объ этомъ, — будъ ть уже извѣстно въ точности. Съ тѣмъ мы и ушли.

Вернувшись домой, мы отправились въ ресторанъ при гостиницѣ пообѣдать. Музыка (въ ресторани игралъ оркестръ), шумъ, оживленіе, масса народу, громкій разговоръ на различныхъ языкахъ (кромѣ русской, слышалась еще нѣмецкая и какая-то незнакомая, норвежская или голландская рѣчь), — все это послѣ нѣсколькихъ дней ѣзды на мирномъ пароходѣ, среди сонной рѣки, почти исключительно въ своей компаниі, дѣйствовало на меня, по крайней мѣрѣ, нѣсколько ошеломляющимъ и вмѣстѣ бодрящимъ образомъ: мнѣ хотѣлось двигаться, работать, громко говорить, смѣяться.

По случаю сильныхъ волненій на югѣ Россіи, (дѣло было въ началѣ русской революціи) масса туристовъ устремила на сѣверъ; съ сосѣднихъ столовъ, вмѣстѣ съ отрывками рѣчи, доносилось: „на Соловки“, „на Мурманъ“, „въ Вардѣ“, „въ Кандалакшу“ и даже „на Новую Землю!“ Все это, вмѣстѣ съ той жаждой неизвѣданнаго, которая хорошо знакома людямъ, бывавшимъ въ дикихъ, мало изслѣдованныхъ странахъ, еще больше бодрило и захватывало, въ особенности при сознаніи, что мы ѣдемъ въ такую страну, для которой даже нѣтъ настоящей карты, и увидимъ, быть можетъ, мѣста, гдѣ еще никогда не бывала нога культурнаго европейца.

Въ ресторанѣ мы встрѣтили моего давнишняго знакомаго, редактора-издателя журнала: „Естествознаніе и Географія“ М. П. Варавву, который вмѣстѣ съ С. отправлялся на Мурманъ; мы познакомили его съ нашими товарищами, составили вмѣстѣ столы, и за обѣдомъ начался разговоръ о предстоявшихъ и бывшихъ путешествіяхъ и экскурсіяхъ. Мы были на сѣверѣ въ первый разъ, и М. П., какъ человѣкъ опыт-

ный во всякаго рода экскурсіяхъ далъ, намъ нѣсколько въ высшей степени полезныхъ совѣтовъ относительно снаряженія, за которые мы были потомъ ему весьма благодарны.

Послѣ обѣда мы отправились черезъ весь городъ смотрѣть Соломбалу. Пройдя безконечно длинный Троицкій проспектъ, мы вышли на набережную и спустились къ огромному, чуть не въ полверсты, деревянному мосту черезъ Кузнечиху — рукавъ Двины, отдѣляющій Соломбалу отъ Архангельска.

Сама Соломбала ничего интереснаго не представляетъ: невзрачныя, немощныя улицы, обыкновенныя деревянные одно-двухъэтажныя домики; даже соломбальскій соборъ ничѣмъ, кромѣ очень большихъ размѣровъ, не отличается отъ обыкновенной церкви, въ одинъ куполь, съ колокольной. Единственная интересная постройка Соломбалы — остатки архангельскаго военнаго порта, — такъ называемый „Флотскій экипажъ“ громадное бѣлое зданіе, типа петербургскаго Адмиралтейства, сильно обветшавшее и производящее впечатлѣніе какой-то монументальной руины.

Набережная въ Соломбалѣ еще болѣе оживлена, чѣмъ въ Архангельскѣ: здѣсь гораздо больше парусниковъ, и здѣсь находятся пристани для пароходовъ Соловецкаго монастыря и большихъ пароходовъ, ходящихъ на Мурманъ и въ Вардэ. Здѣсь чаще встрѣчаются и иностранныя суда, но большихъ океанскихъ кораблей здѣсь мало, — они стоятъ гораздо дальше, въ Маймаксѣ, у большихъ лѣсныхъ складовъ и лѣсопильныхъ заводовъ.

Изъ Соломбалы мы вернулись назадъ на небольшомъ пароходикѣ, которые здѣсь, какъ въ Петербургѣ пароходы-катеры Финляндскаго общества, въ значительной степени замѣняютъ извозчиковъ.

Вечеромъ мы пошли смотрѣть самое интересное въ Архангельскѣ — рыбный рынокъ. Сезонъ рыболовный еще не начинался (а весенній уже кончился), и свѣжей рыбы не было; и тѣмъ не менѣе, осмотръ лавокъ съ вяленой и соленой рыбой далъ много интереснаго: въ лавкахъ-палаткахъ и подъ навѣсами стояли большіе чаны, гдѣ, залитые разсолемъ, лежали морскіе окуни (*Sebastes norvegicus*), зубатка (*Anogrhachias lupus*), синюшка (*An. latifrons*), пеструшка (*An. minor*), пикшуй (*Gadus aeglefinus*), палтусъ (*Hypoglossus vulgaris*) и черный палтусъ (*Platysomatichthys hypoglossoides*); здѣсь же, конечно, лежали сельди, треска и семга всевозможныхъ сортовъ и улововъ. Тѣ же рыбы въ копченомъ и вяленомъ видѣ висѣли, распластанныя на потолкѣ.

Рядомъ съ рыбнымъ рынокъ помѣщается тоже постоянный рынокъ мѣстныхъ кустарныхъ издѣлій. Здѣсь наше вниманіе привлекли „туеса“ — берестяные бураки съ деревяннымъ дномъ и деревянной крышкой — ручкой, различной величины, въ которыхъ здѣшнія бабы по-

сять масло, молоко, квась и т. д., и въ особенности короба и коробкї изъ драни, всевозможныхъ сортовъ, формъ и величинъ, легіе, прочные и по-своему изящные; въ этиакіе коробкї мы рѣшили сложить наши мелкія вещи.

Было уже поздно, когда мы отправились ужинать въ ресторанъ; здѣсь опять встрѣтились знакомые, мы опять составили столы, и бесѣда затянулась далеко за полночь. Самое оригинальное было то, что все время было совершенно свѣтло, какъ бываетъ въ облачный, немного пасмурный день, и хотя въ ресторанѣ и зажгли огонь, но этого свободно можно было и не дѣлать. Непривычное освѣщеніе сильно дѣйствовало на нервы, и несмотря на то, что мы встали очень рано, бѣгали цѣлый день по Архангельску и должны были сильно устать, тѣмъ не менѣе спать совсѣмъ не хотѣлось. Когда мы въ половинѣ второго вышли изъ ресторана, было уже совершенно свѣтло; въ городѣ было тихо, точно вымерло, и только съ пристани доносился говоръ и пьяные крики. Пришлось, придя въ свой номеръ, дѣлать искусственную темноту и заставлять себя спать, такъ какъ на завтра предстояло много хлопотъ.

На другой день съ утра происходило писанье писемъ,—я и не подозрѣвалъ, что это будутъ послѣднія письма передъ отправленіемъ на Канинъ.

За утреннимъ чаемъ мы составили списокъ того, что слѣдовало закупить въ Архангельскѣ для окончательнаго снаряженія экспедиціи по хозяйственной части. Чай и сахаръ были заранѣе куплены въ Москвѣ, и въ болѣе, нежели достаточномъ количествѣ,—насъ вначалѣ должно было ѣхать не трое, а шестеро, грозила „сахарная“ забастовка, и Ш., на всякій случай, купилъ цѣлый пудъ рафинада. Точно такъ же были куплены заранѣе, по моему настоянію, въ достаточномъ количествѣ сушеные коренья, сухой телячій бульонъ, лавровый листъ, перецъ, клюквенный экстрактъ и нѣсколько фунтовъ шоколада. Полезность, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и необходимость этихъ предметовъ я позналъ еще во время своихъ прежнихъ экскурсій и путешествій, въ особенности изъ памирской экспедиціи: коренья служатъ превосходной приправой ко всякому мясу и рыбѣ, бульонъ вмѣстѣ съ кореньями даетъ матеріалъ для супа при отсутствіи мяса и рыбы, и служитъ хорошей подливкой къ гречневой и рисовой кашѣ; перецъ и лавровый листъ даютъ возможность нѣсколько разнообразить столъ и предохраняють отъ цынги, клюквенный экстрактъ, служа для той же цѣли, можетъ скрасить любую, даже самую невкусную воду, а шоколадъ, какъ извѣстно, незамѣнимъ какъ концентрированное питательное и вмѣстѣ поддерживающее

силы средство, особенно когда приходится уходить на цѣлый день въ экскурсію. Всѣ эти припасы встрѣтили полное сочувствіе моихъ соотарищей, за исключеніемъ бульона, который называли „продуктомъ разложенія азотистыхъ соединеній“, „вваромъ изъ костей, копытъ и роговъ“, „столярнымъ клеємъ“, „дохлятиной“ и прочими нелестными эпитетами; какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго, имъ скоро пришлось убѣдиться въ несправедливости такого отношенія. Оставалось купить крупы гречневой, рисовой и манной, хлѣба, эмалированную кухонную посуду, топоръ, лопату и т. п. Кромѣ того, по совѣту М. П., рѣшили взять съ собой десять фунтовъ холмогорскаго масла, — особый, очень твердый сортъ сливочнаго масла, — и сотню крутыхъ яицъ. Ни мясныхъ, ни рыбныхъ консервовъ рѣшили не брать, такъ какъ, по словамъ Макарова и другихъ знакомыхъ съ сѣверомъ людей, и мясо, и особенно рыбу можно всегда купить у кочующихъ въ тундрѣ самоѣдовъ; съ другой стороны, такъ какъ, по словамъ тѣхъ же людей, деньги въ тундрѣ никакого значенія не имѣютъ, рѣшено было купить около десяти фунтовъ табаку, курительнаго и особенно нюхательнаго, который бы служилъ мѣновой единицей.

Еще наканунѣ въ ресторанѣ мы познакомились съ Макаровымъ и передъ обѣдомъ отправились къ нему съ визитомъ; не заставши его дома, мы прошлись по городу, и я накупилъ открытокъ съ видами Архангельска и Сухоны.

Послѣ обѣда мы проводили С., уѣзжавшаго на Мурманъ, и, согласно уговору, отправились къ пяти часамъ въ контору Мурманскаго общества. Когда мы пришли туда, то Витта тамъ не было, но дежурный служащій сообщилъ намъ, что пароходъ „Сергій Витте“ уходитъ сегодня, въ 7 часовъ; благодаря тому, что ночью свѣтло, какъ днемъ, онъ грузился все время безъ перерыва и успѣлъ уже нагрузиться. Мы были поражены какъ громомъ: у насъ многое еще не было куплено, а главное, не былъ нанятъ человекъ, который бы исполнялъ разныя хозяйственныя обязанности: стряпаль, помогаль раскладывать и собирать палатку, и проч., — а также помогаль намъ при случаѣ въ различной научной работѣ, напр., носилъ инструменты при съемкѣ, перекладываль растенія, — словомъ, играль бы роль „человѣка при экспедиціи“, а до отхода парохода оставалось всего два часа! Мы немедленно бросились за покупками, кто куда, съ тѣмъ, однако, расчетомъ, чтобы, пока двое покупають, третій укладывался. Вскорѣ къ намъ въ номеръ пришелъ А. М. Макаровъ. Онъ былъ изумленъ, узнавши, что мы ничего не знали объ отходѣ парохода, и взялся переговорить съ директоромъ о томъ, чтобы пароходъ немного задержать: онъ былъ не срочный, и мы были единственными его пассажирами. Вскорѣ онъ вернулся, сообщивъ, что дѣло улажено, — паро-

ходъ отойдетъ въ 8 ч. вечера, а насъ извѣщали въ гостиницу по телефону, но гостиница отвѣтила, что у нихъ такіе не останавливались,—словомъ, вышло недоразумѣніе. Такъ какъ списокъ необходимыхъ вещей былъ составленъ, заранѣе распределено, кому что и гдѣ купить, всѣ закупки были сдѣланы очень скоро; столь же быстро была сдѣлана укладка, при чемъ А. М. Макаровъ весьма любезно помогаль намъ упаковывать и увязывать вещи; и, оставивши часть ненужной клади въ гостиницѣ, мы къ 8 ч. уже были на пароходѣ; съ парохода удалось еще отправить прощальныя открытки и телеграммы близкимъ.

А „человѣка при экспедиціи“ такъ нанять и не успѣли: вспомнили мы про помора, что предлагаль намъ свои услуги, да гдѣ его теперь возьмешь?